

“И Русь все так же будет жить, плясать и плакать у забора...”

**Сегодня – 100 лет со дня рождения
Сергея Есенина**

Ровно сто лет назад, 21 сентября 1895 года (3 октября по новому стилю), у Татьяны Есениной родился третий ребёнок. Сельский батюшка о. Иван Смирнов уговорил назвать мальчика Сергеем. Бабушка будущего поэта было заупрямилась, она сильно недолюбливала соседа с таким же именем. На что о. Иван отвечал: “Не бойтесь, это будет добрый, хороший человек!”.

Столетие – это мистическая дата. Не могло быть случайным столетие Пушкина в 1899 году, а столетие Лермонтова – в 1914-м.

95-летие отмечают специалисты, столетняя дата цепляет всех. Как листопад – он трогает нас каждым своим листом, трогает всякого, но не всякий оглядывается на это еле слышное прикосновение.

(Окончание на 8-й стр.)

Коне. Проба. – 1995. – Зон. – С. 1

3.10.95.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
Назвать столетие со дня рождения Поэта праздником было бы и скучно, и казенно. Любой праздник отдает у нас рутиной, графинами в президиумах, шумом, пляской, мотовством и, как водится, дикой пьяницей. И если затмить себе глаза таким праздником, разве поймешь, что день сегодняшний - дар не случайный и не напрасный?

Россия прожила есенинское столетие. Сперва ничего не ведая о светлом мальчике, а потом... потом Россия склонила стольких мальчиков, что гибель Есенина стала лишь одним из страшных эпизодов бесконечной гражданской войны. Наши деды помнят, как за Есенина сажали, наши родители никогда не забудут, как переписывали его стихи в заветные тетрадочки, мешая слезы с чернилами. Мы уже выросли с разрешенным Есениным, недоумевая: за что, почему надо было так люто бороться с поэтом, писавшим о березках и кленах?

Была какая-то загадка и в исполинской борьбе со стихами и в столь же истовой привязанности к ним. За стихи Есенина страдали, как за веру. Сейчас, когда привкус пороха, нищеты и страдальчества вновь напитывает воздух и землю, яснеет наша

Сергей Есенин и Сергей Городецкий. Петроград. 1915 год.

"...Плясать и плакать у забора..."

мысль о Есенине, о причинах нашей уже почти родовой привязанности к нему.

Ясно, Есенин был дан России в утешение в самые смутные годы ее истории, в канун множества войн и лишений. Так дают на дальнюю ссылку или каторжную дорогу краюшку хлеба: "На, пожуй... маленько крепче будешь".

Оттого нет ни капли случайности в том, что мы обернулись к Есенину осенью девяносто пятого года.

Напоминание о Есенине,

которое нам принес календарь, случилось вовремя. Кто-то должен был напомнить нам, что от себя не убежишь, а путь от тоски лежит не на чужих и шумных дорогах, а там, где слышен окрик журавливый, шепот тополя и слово жалости.

Вчера, проходя через соседний двор, слышу истощенный крик - юная мать воспитывает шестилетнего сына: "Я тебе все зубы повышибаю, одну манную кашу есть будешь!..".

Есенин рос сиротой, в доме деда и бабушки и всю жизнь,

потом искал не любовных

приключений, как это при-

нято считать, а материнского

тепла и ласки. Все женщины,

которых он любил, кроме Софии Толстой, были старше

его. Этого же, материнского

участия, он наивно ждал и от

Родины. Уезжал, улетал, бро-

дил по свету и возвращался -

в холод.

Народ, выросший без жа-

лости, живет сиротой, но о

том до поры не ведает. А соз-

нает он свое сиротство, быть

может, лишь в такие вот

осенние дни, когда вдруг от-

крывается пустынность на-

ших опавших лесов и сирот-

ство наших замученных ге-

ниев.

Братья мои, люди, люди!

Все мы, все когда-нибудь

В тех благих селеньях

будем,

Где протоптан Млечный

Путь.

...Семнадцатилетний маль-

чик пишет другу, такому же

мальчишке: "Да, Гриша, лю-

би и жалей людей, и преступ-

ников, и лжецов, и страдаль-

цев, и праведников. Ты мог и можешь быть любимым из них.

Люди и угнетателей и не клейми позором, а обнаруживай ласкою жизненные болезни людей... Все люди - одна душа". (Из письма Сергея Есенина Григорию Панфилову, 23 апреля 1913 года).

И какого еще могло хватить на столько лет желания и сочувствия всему живому, если вспомнить, в какие годы он стал Поэтом! Мировая война, мировая революция, мировое отступление... А он

плачут о всякой твари, о прими-той траве, о жеребенке, о

погасшем до утра солнышке. И все в его стихах плачет, и не ясно, откуда столько слез в одной душе.

Плачет метель, как цыганская скрипка. Плачет тальянка,

плачет веселая флейта, осень листвою плачет на пе-

сок, плачут дети, собаки, овцы,

лошади, и звезда над ними

горит "рыдалистою дрожью неотлевших журавлей".

Когда я приезжал к бабушке на лето, она всегда плакала.

А я всегда немножко пугалася ее слез и утешал: "Ну,

что ты, бабушка, все же хоро-

шо...". И тогда она говорила:

"Я плачу не от плохого, я пла-

чу от хорошего".

У Есенина тоже все плачут

от хорошего или от жалости к

этому хорошему. Плачут от

счастья, вдруг нахлынувшего,

от его скоротечности. Плачут

по завтрашнему, еще неведомому горю, а веселиться начи-нают в минуту почти отчаянную - как рекрут перед отправкой на войну или мат-росы перед штурмом.

Пьют и плачут в одно

с непогодиной,

Дожидаясь улыбчивых

дней...

В Константинове, где сла-

вят сегодня Поэта, семьдесят

лет назад его, живого, никто

не хотел слушать. Есенина

уже переводили на европей-

ские языки, а в деревне его

звали Серегой, и даже мест-

ные учителя ни разу не про-

сили его выступить в школе,

прочитать стихи. Мать пере-

живала, что он не стал пред-

седателем волисполкома.

При жизни почти никто не

знал его отчества. После

смерти отчество тоже вспоминали редко. Он так и остался в русской литературе Сережей. Есть Лев Николаевич, есть Александр Сергеевич, а есть Сережа. Очевидцы вспоминают, что хоронили его под крики: "Прощай, Сережа!"

Люди чувствовали: ушел человек, пожалевший их не-вероятный, пронзительной жалостью. И как странно, что с тех пор мы так просто находим в его стихах то, чего сам он так и не нашел - утешение, ласку и домашнее, материнское укрытие.

Из воспоминаний Екатерины Эйтес:

"Стояли теплые весенние дни, но вечера и ночи еще были прохладны. Есенин и еще кто-то из поэтов прово-жали меня домой. Мы неко-

торое время стояли у подъезда дома, где я жила, и о чем-

то разговаривали. Есенин ехался от холода и переми-нался с ноги на ногу. Войти

ко мне было уже поздно, по-

этому я сбегала домой и при-

несла оттуда красную бархат-

ную накидку. Это была ста-

ринная накидка на белом шелке, с высоким воротни-ком.

Я надела ее на Есенина, и мы еще долго болтали...

Есенину накидка очень шла,

и все решили, что он в ней

похож на принца из повести

Марка Твена "Принц и ни-щий". Тонкий, худой, с золо-

тистыми выющиеся волосами

и в этой короткой бархат-

ной накидке, он действи-

тельно был похож на того

принца, изображение кото-

рого я видела в нашей дет-

ской книжке..."

В столетие Пушкина, когда

о нем писали много мелочно-

го и даже пошлого, русский

философ Владимир Соловьев

попытался отнести все это

одной фразой, одной мыс-

лью: "Он был чистый поэт,..

чистый поэт имеет своим

предметом чистую красоту и -

ничего более".

Есенин был ЧИСТЫЙ по-

эт, и - ничего более. Чистый

звук долетит до всякой неза-

мутненной души и будет услышен.

Как в метель долетит до

заблудившегося путника

звук дальнего невидимого ко-

локола.

Дмитрий ШЕВАРОВ.